

Леди Астерейя

**«Академия Шрам:
цена взлёта»**

18+

Леди Астерейя

«Академия Шрам: цена взлёта»

<https://litres.ru/74597523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она сменила фамилию, чтобы остаться в живых, и научилась не вздрагивать, когда звучит её старая.

Арин из рода Вейторн теперь — Арин Келрейн: незаметная, тихая, та, кто идёт в конце колонны и не поднимает глаз. Но в академии «Шрам» невозможно спрятаться до конца. Академия «Шрам» не учит страху. Она учит, что страх — это просто ветер, который можно переждать.

Для Арин Келрейн это не философия, а инструкция к выживанию.

Содержание

Глава «Не будь собой. Будь той, кто выживет»	4
Глава 2 «Первая ночь в Отряде Пепла»	11
Глава 3 «Кровь на мате»	19
Глава 4 «Место, где можно дышать»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Леди Астерейя «Академия Шрам: цена взлёта»

Глава «Не будь собой. Будь той, кто выживет»

Я помню тот день, когда мать протянула мне маленький мешочек с солью и сказала: «Не будь собой. Будь той, кто выживет». В нашей деревушке на окраине вулканических земель фамилию Вейторн произносили шёпотом, будто само имя могло привлечь беду. «Проклятый род», «те, кто говорит с драконами» — эти слова преследовали меня с детства. В нашем роду способность чувствовать драконов считали не даром, а клеймом: за такими охотились, чтобы либо использовать, либо уничтожить.

Когда до деревни дошли слухи, что академия «Шрам» набирает «перспективный материал» из окраин, мать поняла: это единственный шанс спасти меня. Она достала потрёпанный свиток с записями дальних родственников и выбрала фамилию, которая не звенела бы в памяти ни у кого из кланов, — Келрейн. Простая, ничем не примечательная, из тех,

что встречаются в десятке деревень. Она научила меня произносить её уверенно, не вздрагивать, если кто-то случайно произнесёт «Вейторн», и смотреть прямо, даже когда внутри всё сжимается от страха.

Путь до академии занял почти неделю. Я шла пешком, обходя большие дороги, чтобы не попасться патрулям кланов. Видела, как к воротам подъезжают роскошные экипажи наследников «Огненных Когтей» и «Стальных Крыльев», а сама проскользнула в конце длинной вереницы простых рекрутов — незаметная, в пыльной одежде, с опущенной головой. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди.

У массивных ворот академии стоял стол, за которым сидел суровый инструктор в чёрной броне с пепельными нашивками. Рядом — высокий постамент, на который каждый поступающий должен был ступить, назвать имя и фамилию, а затем пройти через арку из чёрного камня, которая, по слухам, «чувствовала ложь». Очередь двигалась быстро, но безжалостно.

— Имя и фамилия! — рявкнул инструктор.

Парень передо мной шагнул на постамент, чётко произнёс свои данные, камень мягко засветился, и его пропустили. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Когда подошла моя очередь, я сделала шаг на постамент, вдохнула горячий, пахнущий серой воздух и услышала собственный голос — чуть более твёрдый, чем я чувствовала себя внутри:

— Арин Келрейн.

Камень на миг замер, будто прислушиваясь. Я зажмурилась, ожидая вспышки красного. Но он мягко засветился тусклоянтарным — достаточно спокойно, чтобы инструктор махнул рукой: «Проходи».

Я уже почти сошла с постамента, когда сзади раздался голос — ленивый, насмешливый, но не злой:

— Ты что, фамилию забыла?

Я резко повернулась. Передо мной стоял парень из тех, кого в академии будут называть «золотыми» — наследник, привыкший, что мир под него подстраивается. Его звали Дарен, он был из клана «Огненные Когти». Он был выше меня на голову, с тёмными волосами, выгоревшими на солнце до рыжеватых прядей. На запястье — тонкий золотой браслет с гравировкой когтя. Глаза — холодные, янтарные, будто в них тлел внутренний огонь. Он смотрел на меня с лёгкой усмешкой, но в этой усмешке не было настоящей жестокости — скорее привычная бравада того, кто знает, что его слово здесь имеет вес.

Внутри всё сжалось. *«Он мог услышать первые буквы. Он мог заметить, как я запнулась»*. Но вслух я сказала ровно, даже чуть надменно, копируя манеру тех, кто привык держаться уверенно:

— Я не забыла.

Дарен приподнял бровь, будто оценивая мой ответ.

— Ладно, — протянул он, чуть склонив голову. — Тогда не стой столбом. Тут не любят тех, кто задерживает очередь.

— Не думай об этом, — прошептала я себе под нос, когда отвернулась и пошла вперёд, стараясь не ускорять шаг, чтобы не выдать дрожь в коленях. — Просто не думай.

Нас повели к склону вулкана. Там, в тени чёрных скал, тянулась узкая тропа — вырубленная в камне, местами настолько тонкая, что приходилось идти боком. Над пропастью клубился горячий пар, а под ногами хрустел пепел, который при каждом шаге поднимался белёсой завесой и забивался в горло.

Инструктор встал на краю тропы и рявкнул:

— Академия «Шрам» не учит страху. Она учит, что страх — это просто ветер, который можно переждать. Ваша задача — пройти Тропу пепла. До конца. Без остановок. Без криков. Без помощи.

Правила были простыми и безжалостными:

Тропа разделена на три участка, каждый сложнее предыдущего.

На каждом участке есть контрольные камни с метками: до них нужно дойти, чтобы испытание засчитали.

Если ты сходишь с тропы (даже чтобы ухватиться за скалу), ты выбываешь.

Если падаешь — выбываешь навсегда.

Помогать другим запрещено: попытка схватить кого-то за руку или потянуть за собой — автоматическая дисквалификация.

На тропе были «ловушки» — не магия, не драконы, а чи-

стая физика и психология. Первый участок сужался до ширины ладони, а горячий ветер швырял в лицо пепел так, что почти ничего не было видно. Второй был покрыт тонким слоем вулканического стекла — острые крошки резали подошвы даже сквозь плотную обувь. Третий участок висел прямо над пропастью: каменные плиты при малейшем сотрясении начинали раскачиваться, и пройти можно было только в такт их движению.

Я ступила на тропу одной из первых — не из храбрости, а потому что боялась, что если буду стоять и смотреть, как другие падают, я вообще не смогу сделать шаг.

На первом участке пепел забился в глаза, и я почти ослепла. Но вместо того чтобы остановиться и протереть лицо, я опустила голову, вытянула руку вперед и пошла, скользя пальцами по шершавой стене. В голове стучала фраза матери: *«Не будь собой. Будь той, кто выживет»*. И я стала этой кем-то: не испуганной девушкой, а механизмом, который просто ставит ногу перед ногой.

На втором участке боль пришла сразу. Стекло резало подошвы, и я почувствовала, как ткань сапог пропитывается кровью. Я не закричала, даже не поморщилась. Просто изменила шаг: теперь я не наступала всей стопой, а ставила ногу на ребро, стараясь попадать на более гладкие участки камня. Это замедляло меня, но давало шанс пройти.

Когда я добралась до третьего участка, то увидела, как один из курсантов сорвался: он попытался перепрыгнуть с

плиты на плиту, не дождавшись нужного момента. Камень хрустнул, плита ушла вниз, а парень даже не успел закричать.

Я замерла на краю, чувствуя, как дрожит камень под моими ногами. Плиты раскачивались с пугающей регулярностью. Я закрыла глаза и прислушалась: не к звукам, а к вибрациям, которые шли от скалы. В моём роду говорили, что Вейторны чувствуют землю — не магией, а кожей, нервами, инстинктом. И сейчас этот инстинкт проснулся.

Я шагнула вперёд ровно в тот момент, когда плита качнулась ко мне. Потом ещё раз. И ещё. Ритм был похож на сердцебиение: медленный, тяжёлый, почти злой. Я шла в такт ему, будто танцевала с самой горой.

В конце тропы меня ждал контрольный камень — чёрный, гладкий, с выжженным на нём символом пламени. Я коснулась его дрожащей рукой, и в ту же секунду по всей тропе вспыхнули сигнальные огни: испытание пройдено.

Колени подкосились, но я не упала. Только оперлась рукой о скалу и глубоко вдохнула, чувствуя, как пепел царапает горло.

Дарен подошёл ко мне, когда я уже почти пришла в себя. — Ты знала, что там стекло? — спросил он, кивнув на мои сапоги, из которых сочилась кровь.

Я подняла на него глаза. В них не было страха, только усталость и лёгкая злость — на себя, на тропу, на академию.

— Нет, — ответила я тихо, а потом, собравшись, добавила

твёрже: — Но я знала, что если остановлюсь, то не пойду дальше.

Дарен чуть наклонил голову, будто примеряя мои слова к чему-то своему.

— В «Шраме» это ценят, — сказал он наконец, не то комплимент, не то предупреждение.

Я не ответила. Я просто смотрела на него и думала: *«Он слишком внимательный. Пусть не замечает меня. Пусть не запоминает»*.

Но было уже поздно. Дарен меня запомнил.

Глава 2 «Первая ночь в Отряде Пепла»

Нас построили на плацу — ряды стали в разы короче, чем в начале. Из сотни кандидатов осталось едва ли сорок. Горячий ветер швырял пепел, и он оседал на наши плечи серой пылью, будто метка: «ты выжил, но не думай, что теперь ты в безопасности».

Я скользнула взглядом туда, где стояли «золотые» — и сразу наткнулась на Дарена. Он стоял с другими из клана «Огненные Когти», чуть в стороне, будто сам плац был для них слишком простым местом, чтобы стоять наравне с остальными.

Их форма отличалась даже в мелочах: тёмнобордовые плащи с золотой окантовкой, на плечах — нашивки с изображением когтя, объятых пламенем. У всех одинаковые ремни с пряжками в виде языков огня, а на рукавах — тонкие полосы из металлической нити, которые вспыхивали, когда на них падал свет. Они стояли расслабленно, но в этой расслабленности была власть: они знали, что их фамилии сами по себе — щит и меч.

«Золотые мальчики и девочки», — пронеслось у меня в голове с горькой усмешкой. — «С надменными лицами и сарказмом вместо улыбок». Дарен что-то тихо сказал своим,

и те рассмеялись — не громко, а так, чтобы мы слышали: это был смех тех, кто уже считает себя победителями.

А я стояла в шеренге тех, кого никто не замечал. Тех, кто не носил гербов, не имел за спиной влиятельных домов, не мог рассчитывать на поблажки. Нас называли «**Отряд Пепла**» — просто, без пафоса, почти как оскорбление. Но в этом названии была правда: мы были теми, кто прошёл сквозь пепел и остался стоять. И да, по крови я должна была быть среди «золотых», но здесь, в «Шраме», моя настоящая фамилия могла стать смертным приговором.

Инструктор обвёл шеренгу тяжёлым взглядом:

— «Отряд Пепла», за мной. Пока вы не заслужили отдельных комнат. Пока вы — единое звено. Слабое звено ломает всю цепь. Помните это.

Нас повели по узким коридорам академии — каменные стены будто сжимались вокруг, а факелы отбрасывали длинные, дёрганные тени. Наконец мы остановились перед тяжёлой деревянной дверью с железной полосой посередине. Инструктор распахнул её одним резким движением.

Комната оказалась большой, но тесной из-за количества кроватей. Два ряда железных коек вдоль стен, между ними — узкий проход, по которому можно было пройти только боком. На каждой койке — тонкий матрас, грубое серое одеяло и маленькая подушка, набитая чемто жёстким. У изголовья каждой кровати — небольшие деревянные ящики, запертые на простой замок: личное пространство, которого почти нет.

Окна были узкими, как бойницы, и выходили на склон вулкана. Сквозь них в комнату пробирался красноватый свет заката, смешиваясь с запахом гари и остывающего камня. В дальнем углу — две двери: одна вела в душевую с ледяной водой, другая — в крошечную уборную. Над входом висела табличка с выжженными буквами: «Отряд Пепла. До второго курса и привязки к драконам — никаких привилегий».

Мы вошли, и тишина стала почти осязаемой. Каждый оглядывался, будто пытался найти в этой комнате хоть намёк на уют, хоть крошечный уголок, где можно спрятаться от чужих взглядов. Но спрятаться было негде.

— Рассаживайтесь по койкам, — рявкнул инструктор. — Завтра в пять утра подъём. Кто проспит — будет чистить пепел на главной арене голыми руками. Вопросы?

Вопросов не было. Никто не хотел привлекать к себе внимание.

Я нашла свободную койку в дальнем ряду, у самого окна, где свет был тусклее, а тени гуще. Положила на матрас свой узелок, открыла ящик и спрятала туда мешочек с солью — единственную вещь, которая связывала меня с домом. Закрыла замок, повернула ключ и сунула его в карман.

Пока я возилась, краем глаза заметила, что Дарен всё ещё стоит в дверях, чуть позади инструктора. Он не смотрел прямо на меня, но его взгляд скользил по рядам, будто он пытался что-то вычислить, сложить кусочки в единую картину.

«Это ты нервничаешь, — сказала я себе, сжимая кулаки

так, что ногти впились в ладони. — *Это не он смотрит на тебя. Это ты боишься, что он поймёт*».

Но страх не слушался. Он пульсировал где-то под рёбрами, холодный и настойчивый.

Один из парней из «Отряда Пепла» плюхнулся на соседнюю койку и хмыкнул:

— Ну вот и дом, да? До второго курса, если доживём, обещают отдельные комнаты. А после привязки к драконам... ну, если дракон тебя не сожжёт, может, и дадут что-то получше.

Я кивнула, не поднимая глаз.

— Если доживём, — тихо повторила я.

Потому что в академии «Шрам» выживание было не концом испытания — оно было его началом.

Ночь в «Отряде Пепла» пахла железом, пылью и чужим беспокойством. Факелы в коридоре погасли один за другим, и комната погрузилась в красноватый полумрак — свет от далёких печей академии просачивался сквозь узкие окна, ложась на койки неровными полосами. Кто-то уже тихо всхлипывал в дальнем углу, кто-то шептал молитвы, а кто-то просто лежал, уставившись в потолок, будто пытался рассмотреть там хоть каплю надежды.

Я натянула грубое одеяло до подбородка, но оно не грело — только царапало кожу. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, будто до сих пор бежало по Тропе пепла.

На соседней койке завозилась девушка. Она села, подтя-

нув колени к груди, и посмотрела на меня — не с любопытством, а с тем усталым вниманием, какое бывает у тех, кто понимает: сегодня ты выжил, а завтра можешь и не проснуться.

— Ты... Арин, да? — прошептала она, будто боялась, что стены подслушают. — Я Лейра. Лежала тут, думала, не заговорю ни с кем. Но ты... ты слишком быстро прошла тропу. Я заметила.

Я пожала плечами, стараясь выглядеть равнодушной:

— Адреналин. Просто не дала себе подумать.

Лейра хмыкнула — не зло, а скорее с горькой усмешкой:

— Ага. Адреналин. У половины наших сейчас сердце из груди выпрыгнет, а они даже встать боятся. А ты шла так, будто знала, куда ставить ногу.

Я промолчала. Слишком близко к правде.

Она наклонилась чуть ближе, голос стал ещё тише:

— Почему эти вообще тут? — она едва заметно кивнула в сторону двери, хотя «золотых» там уже не было. — Ну, из кланов. Им же не надо проходить такие испытания. У них свои спальни, свои наставники, свои правила.

— Не знаю, — ответила я, и это было почти правдой. Я действительно не понимала, зачем клановым наследникам вообще участвовать в такой мясорубке. Разве что ради репутации: «я прошёл то же, что и расходники».

— Ага, — протянула Лейра с иронией, которая звучала как броня. — Отдельные спальни. Как будто мы не люди, а

мешки с углём. «Храните в подсобке, пока не понадобятся».

Я невольно улыбнулась — впервые за день. Не широко, а так, чтобы уголки губ дрогнули и тут же опустились.

— Звучит... точно.

Лейра откинулась на подушку, но глаз не закрывала.

— Знаешь, я сюда не за славой пришла. У меня дома младший брат. Если я получу место в академии, ему дадут еду по карточке. Вот и вся моя великая мечта: чтобы он не голодал. А эти... — она снова покосилась в сторону, где, как ей казалось, всё ещё витал дух «Огненных Когтей». — Они сюда пришли, чтобы ещё раз доказать, какие они крутые.

Я хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. У меня не было благородной цели, как у неё. У меня была только тайна, которая могла меня убить.

И тут я снова поймала взгляд Дарена. Он стоял в проёме двери — не один, а с парой парней из своего клана. Они о чём-то тихо переговаривались, а потом Дарен вдруг замер, будто что-то почувствовал, и резко повернул голову... прямо на меня.

Их взгляды ударили, как камни. Холодные, цепкие, будто они пытались разглядеть во мне что-то лишнее, что-то, чего быть не должно.

Я резко отвернулась, уткнувшись взглядом в стену. В груди всё сжалось, а пальцы вцепились в край одеяла.

«Что это за хрень... Почему они на меня посмотрели?»
— мысль билась в голове, как загнанная птица.

— Эй, — тихо позвала Лейра, заметив, как я напряглась.
— Не смотри туда. Они любят, когда на них смотрят. Это как дразнить дракона: он может и не укусить, но запомнит твоё лицо.

Я сглотнула, пытаюсь вернуть голос:

— Просто... показалось.

— Ничего не показалось, — спокойно сказала Лейра. — Тут всё время кто-то на кого-то смотрит. Кто-то ищет слабых, кто-то — союзников, а кто-то... — она чуть помолчала, — кто-то ищет тех, кто слишком хорошо выживает. И это, знаешь ли, тоже опасно.

Я покосилась на неё:

— Ты будто не первый раз в такой переделке.

Она невесело усмехнулась:

— В моей деревне каждый день — переделка. Просто тут вместо волков — кланы. А зубы у них такие же острые.

Мы замолчали. Тишина в комнате стала другой — не такой колючей. Будто мы вдвоём выстроили между собой невидимую стену, за которой можно было чуть-чуть выдохнуть.

Где-то в дальнем ряду кто-то всхлипнул. Лейра не обернулась, но её плечи чуть напряглись.

— Завтра будет хуже, — сказала она, уже почти засыпая.
— Завтра начнётся настоящая учёба.

— Что значит «хуже»? — прошептала я.

— Значит, что Тропа пепла была просто дверью. А теперь

нам покажут, что за ней.

Я закрыла глаза, но темнота не принесла покоя. Перед внутренним взором снова встала качающаяся плита, вибрация камня под ногами, взгляд Дарена... и мысль, от которой становилось холодно: *«Они что-то подозревают. Или я просто схожу с ума от страха».*

Глава 3 «Кровь на мате»

Первый день обучения начался не с лекции и не с клятвы. Он начался с удара колокола — низкого, вибрирующего, будто сама гора отвечала на призыв академии. Нас вывели на тренировочную площадку: каменные плиты, выжженные солнцем, маты из грубой кожи, натянутые между столбами, и запах железа, который здесь, кажется, въелся в каждый камень.

Инструкторы стояли по периметру, как статуи из гранита: лица без эмоций, руки скрещены, глаза — холодные прицелы. Главный, с седой полосой в волосах и шрамом через всю щеку, шагнул вперёд и рывкнул:

— В «Шраме» не учат быть хорошими. В «Шраме» учат выживать. Сегодня вы узнаете, что значит стоять на мате, когда противник хочет не победить — а сломать.

Нас разделили на пары. Не по силе, не по росту — по списку, который кто-то составил заранее, будто специально подбирая тех, кто будет ненавидеть друг друга с первого взгляда.

Я оказалась напротив парня, которого я уже видела раньше — он стоял в толпе «золотых», но не из главных, а из тех, кто старается быть злее, чтобы его заметили. Его звали **Торн Каэрис**, и он был из младшей ветви «Огненных Когтей» — тех, кому нужно постоянно доказывать, что они достойны носить герб.

Он был высоким, почти на голову выше меня с широкими плечами и руками, в которых, казалось, жила собственная сила. Кожа покрытая тонкими шрамами — не от боёв, а от «воспитательных» ритуалов клана: полосы, будто от кнута, пересекающие предплечья. Глаза — тёмнокарие, почти чёрные, с той особой пустотой, которая появляется у тех, кто привык не чувствовать чужую боль. На щеке — свежий порез, будто он нарочно не залечил его, чтобы выглядеть опаснее.

Когда они вышли на мат, Торн даже не посмотрел на меня. Он смотрел поверх её головы, будто она была не человеком, а препятствием, которое нужно убрать.

— Ты из «Пепла», — бросил он, не скрывая презрения. — Я тебя ещё на Тропе заметил. Ты тогда чуть не упала, когда плита качнулась. Думал, ты сломаешься. А ты не сломалась. Жаль.

Я сжала рукоять учебного клинка так, что побелели костяшки. Её голос звучал ровно, но в нём дрожала злость:

— Я не собираюсь ломаться. Ни сегодня, ни завтра.

Торн усмехнулся, и эта усмешка была хуже любой угрозы:

— Тут не про «собираешься». Тут про то, что я решаю, когда ты упадёшь.

Свисток.

Они начали.

Торн не играл. Он шёл вперёд тяжёлыми шагами, заставляя Лейру отступать, прижимая её к краю мата. Его кли-

нок мелькал, как молния: резкий выпад, удар по защите, ещё один, ещё. Он не пытался ранить — он пытался запугать, заставить ошибиться.

И я ошиблась.

Она попыталась уйти в сторону, но Торн предугадал движение. Его плечо врезалось в её руку — не по правилам, не как в тренировке, а как в настоящей драке. Я вскрикнула: кость хрустнула, не сломавшись, но боль пронзила до самого плеча. Она пошатнулась, и в этот момент Торн занёс клинок для удара, который должен был закончиться не отметкой на коже, а настоящей раной.

Но я не закрыла глаза.

Вместо этого она упала на колено, уходя от удара, и резко выбросила клинок вперёд. Сталь скользнула по бедру Торна, рассекая ткань и кожу. Не глубоко, но достаточно, чтобы он почувствовал — и чтобы на мате появилась первая кровь.

Тишина ударила громче колокола.

Все замерли. Инструкторы не двигались, но их взгляды стали острее. Торн опустил клинок и посмотрел на меня так, будто увидел её впервые.

— Ты... — выдохнул он, касаясь раны. Кровь проступила сквозь пальцы. — Ты посмела.

Я поднялась, держа раненую руку прижатой к боку. Лицо её было бледным, но глаза горели:

— Ты хотел сломать. Я ответила. Это и есть «Шрам», разве нет?

Торн шагнул к ней, и в его движении не было больше игры. Только холодная ярость:

— Ты заплатишь за это. Не сегодня. Не на мате. Но заплатишь. Я найду способ.

Один из инструкторов наконец шагнул вперёд, перекрывая им путь:

— Достаточно. Келрейн — на разбор ошибок.

Но Торн не смотрел на инструктора. Он смотрел на меня, и в этом взгляде было обещание: *«Это не конец»*.

Когда я сошла с мата, меня шатало. Лейра подхватила меня под здоровое плечо, не спрашивая, нужно ли это. Я стиснула зубы, чтобы не закричать, и прошептала мне на ухо:

— Не говори никому. Если они поймут, что мне больно... они будут бить туда.

Она кивнула, потому что знала: в «Шраме» слабость — это не просто уязвимость. Это приглашение к расправе.

Мы шли мимо рядов курсантов, и я чувствовала на себе взгляды. Не только Торна. И не только его друзей. Дарен стоял чуть в стороне, не в центре группы, но и не на краю. Он не кричал, не смеялся, не делал резких жестов. Просто смотрел. И в его взгляде не было презрения — скорее... интерес.

— Он не забудет, — тихо сказала Лейра, когда мы отошли подальше. — Торн. Он из тех, кто помнит каждую царапину. И возвращает в десятикратном размере.

— Тогда будем помнить тоже, — ответила я, крепче придерживая её. — Будем помнить, где он ошибается. И ждать.

Лейра улыбнулась :

— Знаешь, в моей деревне говорили: «Если волк рычит — не беги. Стой и смотри, откуда он прыгнет».

— Здесь не волки, — прошептала я. — Здесь хуже.

— Значит, будем учиться быть страшнее.

Разбор ошибок с инструктором шёл как по лезвию: каждое слово — будто удар, каждое «почему ты сделала так» — проверка на прочность. Инструктора звали **Гаррик Торнвальд** — сухой, жилистый, с лицом, изрезанным шрамами так, что казалось, будто кто-то пытался написать на нём историю всех боёв, в которых он выжил. Он не кричал, не топал ногами — он говорил тихо, и от этого становилось страшнее.

— Ты не прикрывала левый бок, — цедил он, глядя на меня так, будто я лично его подвела. — В «Шраме» левый бок — это жизнь. Если ты его открываешь, ты подписываешь себе приговор.

Я кивала, сжимая пальцы в кулаки, чтобы не дрожали. Рядом стояла Лейра: её руку уже зафиксировали, но лицо было бледным, а взгляд — острым, как у загнанного зверя. Она не спорила, не оправдывалась. Просто слушала и запоминала.

В конце Гаррик махнул рукой.

Глава 4 «Место, где можно дышать»

— Келрейн, в лазарет. Пусть целительница посмотрит, нет ли внутренних повреждений. Ты слишком ровно стоишь для той, кто весь день держал оборону. Иди. И не думай, что это поблажка. Это проверка: сможешь ли ты вернуться завтра.

И вот я шла по коридорам академии, и с каждым шагом напряжение будто оседало пылью с плеч. Здесь, в глубине здания, воздух был другим — не горячим, не пахнущим пеплом и гарью, а прохладным, почти чистым.

Лазарет оказался длинным, светлым помещением, выложенным белым камнем, который будто впитывал весь шум мира. Вдоль стен стояли узкие кровати с чистыми простынями, а над каждой — маленький медный светильник, дававший мягкий, не режущий глаза свет. Пахло травами, сушёной мятой и чем-то сладковатым, похожим на мёд. И самое главное — здесь была тишина. Не та, что давит, а настоящая, редкая, в которой можно было просто дышать.

Навстречу мне вышла пожилая женщина в простой серой тунике, с седыми волосами, собранными в тугий узел. В её движениях не было суеты, только спокойная уверенность человека, который столько раз видел боль, что научился с ней разговаривать. Её звали **Матрисса Элин**.

— Арин Келрейн? — спросила она мягко, будто не хотела спугнуть тишину. — Давай посмотрим, что там у тебя болит.

Она провела меня к одной из кроватей, усадила, а потом начала осматривать: проверяла пульс, смотрела зрачки, ощупывала рёбра лёгкими, почти невесомыми касаниями.

— Дыши глубже, — сказала она, не поднимая глаз. — Не бойся. Я не сделаю больше, чем уже есть.

Пока она возилась с бинтом, её взгляд скользнул по моим волосам. Они были собраны в тугий хвост, закрученный и закреплённый так, чтобы ни один локон не выбился — этому меня научила мама перед тем, как я покинула дом. «Если схватят за волосы — ты проиграешь ещё до первого удара», — говорила она. И я запомнила.

Но сейчас Матрисса чуть задержалась взглядом на моих прядях.

— Белые... — тихо сказала она. — С лёгкой волной на концах. В моей молодости такие волосы были признаком знатного рода. Их берегли, ими гордились.

Я невольно улыбнулась, но улыбка вышла горькой:

— Это точно не про меня.

Матрисса подняла на меня глаза — в них не было жалости, только спокойная мудрость:

— Кто знает, деточка... Кто знает.

«Вот блин, — пронеслось у меня в голове, пока она аккуратно накладывала повязку. — Теперь она будет думать, что я из какого-то рода. А если дойдёт до нужных ушей...»

Я сжала кулаки под одеялом, стараясь не выдать дрожь.

— Не напрягайся, — тихо сказала Матрисса, будто прочитала мои мысли. — Здесь не судят по волосам. Здесь судят по тому, сколько раз ты встанешь после падения.

Я кивнула, не зная, что ответить.

А потом она заметила главное.

Её пальцы чуть дрогнули, когда она посмотрела мне в глаза. Не в один, а в оба. Потому что они были разными: один — серостальной, холодный, будто пепел после пожара. Другой — янтарнозолотистый, тёплый, как отсвет пламени на камне.

— Разные глаза, — прошептала Матрисса скорее себе, чем мне. — Редкая штука. В народе говорили, что такие видят больше, чем нужно.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Просто особенность, — пробормотала я, опуская взгляд. — Ничего особенного.

— Конечно, — спокойно ответила она, не настаивая. — Просто особенность. Но помни: в этом месте любая особенность становится заметной. Так что учись прятать то, что не хочешь показывать.

Она закончила перевязку, поправила одеяло и на секунду задержала руку на моём плече — лёгкое, почти невесомое прикосновение, в котором было больше поддержки, чем во всех словах мира.

— Отдохни. Здесь можно просто дышать. А завтра... зав-

тра будет новый день. И новые маты.

Когда она отошла к другой кровати, я осталась лежать, глядя в высокий потолок, где тонкие трещины складывались в причудливые узоры. Тишина здесь была настоящей. И впервые за долгое время я позволила себе закрыть глаза и просто быть. Не Арин из «Отряда Пепла». Не наследницу проклятого рода. Просто девушку, которой дали минуту, чтобы перевести дух.

Лазарет всё так же дышал тишиной — ровной, густой, будто здесь время текло медленнее. Белые стены приглушали любой звук, даже шаги становились мягкими, почти неслышными. Я лежала на узкой кровати, прикрыв глаза, но не спала: просто пыталась удержать внутри ту дрожь, которая накатывала каждый раз, стоило вспомнить мат и взгляд Торна — холодный, обещающий расплату.

Скрипнула дверь. Я не подняла головы сразу: думала, это Матрисса с очередной порцией горького отвара. Но воздух в комнате будто потяжелел, стал другим — горячее, напряжённее, будто рядом зажгли факел.

Я открыла глаза.

В проёме стоял Дарен. В привычной форме «Огненных Когтей»: тёмнобордовый плащ, золотая окантовка, браслет с гравировкой когтя на запястье. Он выглядел так, будто ему здесь не место — слишком уверенный, слишком прямой, будто даже тишина пыталась перед ним расступиться.

— Ты что тут делаешь? — вырвалось у меня раньше, чем я

успела прикусить язык. Голос прозвучал резче, чем хотелось.

Дарен чуть приподнял бровь — эта его полуусмешка, в которой никогда не было настоящей злости, только вызов.

— Пришёл узнать, как дела. Торн в лазарете с перевязанным бедром, а я подумал: вдруг и ты тут не просто так отдыхаешь.

Я фыркнула, но тут же пожалела об этом — резкое движение отозвалось болью в рёбрах. Сжала простыню пальцами, чтобы не поморщиться.

— Торн? Ты пришёл изза него?

— Я пришёл изза тебя, — спокойно ответил он, делая шаг внутрь. Не к самой кровати, а останавливаясь у изножья, будто давая мне пространство, но не уходя. — Хотя, если честно, Торн сегодня был... не в себе. А это обычно значит, что кто-то наступил ему на гордость.

Я отвела взгляд, уставившись на трещину в потолке.

— Он не привык, когда ему отвечают.

— Это да, — Дарен чуть наклонил голову, и свет упал на его янтарные глаза, сделав их почти золотистыми. — Он вообще не привык, когда что-то идёт не по его плану. Но это не значит, что он прав.

Пауза повисла между нами, плотная, как дым. Я чувствовала, что он не просто пришёл перекинуться парой слов. За этим стояло что-то ещё.

Он вдруг посмотрел прямо на меня — не на лицо, а в глаза. И не отвёл взгляд, будто проверял, выдержу ли я этот на-

пор.

— У тебя глаза разные, — сказал он тихо, без насмешки, но и без жалости. Просто как факт, который он долго держал в голове и наконец решился произнести. — Один серый, как пепел. Другой — как пламя. Я заметил ещё на проверке фамилии. Камень тогда замер, будто прислушивался. Ты помнишь?

Я напряглась, пальцы впились в край одеяла. Внутри всё сжалось, но не от страха перед ним — а от того, как точно он это подметил.

— Просто особенность, — бросила я, стараясь звучать равнодушно. — У кого-то родинка, у кого-то шрам. У меня вот так.

— Может быть, — медленно протянул он, не сводя с меня взгляда. — Но в «Шраме» любая особенность становится заметной. А некоторые... — он чуть помолчал, подбирая слова, — некоторые становятся легендами. Или проклятиями. Смотря кто расскажет историю.

Я резко села, игнорируя боль. Пусть лучше она будет физической — с ней я знала, что делать.

— Зачем ты пришёл, Дарен? Чтобы напомнить мне, что я тут чужая? Что мне лучше не выделяться?

Он не отшатнулся от моего тона. Наоборот — сделал ещё один шаг, но не к кровати, а просто вперёд, будто хотел, чтобы я видела: он не собирается на меня нападать.

— Нет, — ответил он спокойно. — Я пришёл, потому

что... мне кажется, ты знаешь больше, чем говоришь. Не про академию. Про себя. И про то, как ты прошла Тропу пепла. Как ты шла по качающимся плитам, будто слышала их ритм. Как ты стояла на мате сегодня и не дрогнула, даже когда Торн шёл на тебя, как лавина.

Я сжала кулаки. *«Он слишком внимательный. Слишком»*, — стучало в висках.

— Я просто выживаю, — прошептала я, и в этом «просто» было столько лжи, что оно почти горело на языке. — Как и все здесь.

Дарен наклонил голову чуть вбок, будто пытался заглянуть мне под маску, которую я так старательно носила.

— Выживают поразному, — тихо сказал он. — Ктото кричит и бьёт кулаками в стены. Ктото прячется в тени. А кто-то... — он сделал паузу, и в его голосе вдруг мелькнуло что-то похожее на уважение, — кто-то идёт вперёд так ровно, будто у него за спиной целая армия. Даже если на самом деле он один.

Я не знала, что на это ответить. И самое страшное было в том, что я хотела ему поверить. Хотела, чтобы его слова были не проверкой, не ловушкой, а просто... правдой.

И тут я поймала себя на странном чувстве — глубоко внутри, там, где обычно жил только страх, вдруг шевельнулось что-то другое. Не благодарность. Не дружба. Что-то горячее и осторожное, как первый луч солнца на холодной стене. Симпатия. К Дарену. К его прямоте. К тому, что он не пы-

тался меня сломать, а пытался... понять.

Но он тут же будто спохватился, что сказал слишком много. Его лицо снова стало маской наследника «Огненных Когтей» — спокойной, чуть высокомерной, непроницаемой.

— В общем, — он слегка пожал плечами, будто сбрасывая с себя эту откровенность, — я просто хотел убедиться, что ты встанешь завтра. Академия не любит тех, кто остаётся лежать.

Я криво усмехнулась, стараясь вернуть себе хоть каплю контроля над разговором.

— Ну, раз академия не любит, значит, я встану. Куда я денусь.

Он кивнул, будто принимая это как должное. Но перед тем как развернуться к двери, он снова посмотрел на меня — и в этом взгляде мелькнуло то, что я почувствовала: не просто любопытство. Симпатия. И он тоже это прятал, так старательно, что, наверное, даже сам себе не хотел в этом признаваться.

— Если Торн будет кружить рядом, — бросил он уже у двери, не оборачиваясь, — дай знать. Не потому что ты слабая. А потому что в «Шраме» иногда нужно, чтобы кто-то стоял у тебя за спиной. Просто... чтобы уравнивать шансы.

Дверь тихо закрылась за ним.

А я осталась сидеть, чувствуя, как медленно, слой за слоем, оседает напряжение. И как внутри, вопреки всему, остаётся тёплый след от его слов.

«Он не враг, — сказала я себе, сжимая пальцами край оде-
яла. — Пока не враг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.